

Оглавление

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	45
Глава 3	92
Глава 4	126
Глава 5	183
Глава 6	234
Глава 7	287
Глава 8	323
Глава 9	367
Глава 10	411

Пролог

У каждого человека бывает такой день, когда все идет не в лад.

Вот и у Марии Ивановны Белкиной он сегодня был именно такой. Чего уж там... случается. Причем, когда ты бухгалтер, оно случается регулярно. Раз в квартал — это обязательно-бесповоротно.

В конце года — безудержно накатывает потоком.

А еще в зависимости от начальства, когда у того критические дни, плохое настроение или магнитные бури.

Если начальство адекватное и понимает, что задача хорошего бухгалтера — это сохранить организации и лично ему деньги, то с ним вполне-вполне можно работать.

А вот если начальство НЕ адекватное...

Тогда возможны варианты.

К предыдущему-то директору у Марии Ивановны нареканий, как говорится, не было. По возрасту примерно одного поколения, по характеру флегматики, отлично сработались и радовались жизни. Только вот ничто под луной не вечно.

Директор, который и создал свое скромное проектное бюро, решил уйти на пенсию. А дело-то оставить ему и некому. Сын — доктор, дочь замужем и вся в детях — пеленках — смесях... нет наследника и все тут. Никому дело не доверишь, никто по отцовским стопам не пошел. Внуки?

Так когда они еще вырастут, а пока вот — увы. Преемника просто нет, старшему внуку только восемь, а силы уж и не те, и скорость не та, и понимаешь, что не тянешь ты любимое дело, пора на покой. И как?

Нанимать управляющего, это или все равно с ним сидеть и за руку хватать, или просто свое детище кому-то подарить. Кто удержится от ма-аленького такого денежного потока в свой карман, от игры в пользу себя, любимого, от махинаций? То-то и оно, никто не застрахован, со временем и у самого верного и честного плохие мысли появятся.

Что осталось?

Да просто-напросто продать фирму, пока она приносит доход, пока за нее дадут хорошие деньги, пока есть подходящее предложение. Что директор и сделал.

Все бы нормально, дело житейское, вот только в кресло директора новые хозяева усадили «эффективного менеджера». Или, как горько признавалась себе Маня, дефективного.

Смешно?

Кому смешно, а ей вот плакать хочется.

Менеджер, оно конечно, оно хорошо. Только вот... ну кто, кто сказал идиотам, что человеку все равно, чем управлять?! Скажем, справится он с автомастерской — справится и с хлебозаводом? Люди-то везде одинаковы!

В теории да, а на практике человек должен пройти весь цикл, побывать на производстве, поработать на нем, посмотреть на все изнутри... фильм «Москва слезам не верит» кое в чем правдив до слез. Катерина Тихомирова потому и стала хорошим директором, что самостоятельно прошла всю дорогу, от наладчицы до управленца. Многое осталось за кадром, многое не показали в фильме, но главное было верно.

Она знает кухню изнутри. Она знает на заводе все от и до, ей можно доверить производство.

А что можно доверить мальчишке, который, может, лет пять, как институт окончил? Как раз по специальности «управление чего-то кого-то куда-то».

Он знает, что такое проектная документация? Он хоть одну смету в лицо видел, он СНиП в руках держал, он ГОСТ открыл?

Не-а.

Для него это все сложные и загадочные слова. Условно он знает, что это надо, что дом, допустим, сначала рисуют

в автокаде и прочих программах, что его надо обсчитать, что надо учесть кучу всего, а чего — всего? И вообще... что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить!

В теории-то оно все приятно и легко, а как на практике?

Тяжела жизнь проектного бюро, тягают его со всех сторон. Если работать, конечно, а не груши чем-то окочивать.

Вот приходит заказчик. Он проект заказал, пошел с ним, тендер выиграл, приходит — и начинаааается!

Хочется же как? Чтобы и денежку выкроить, и домик построить, и еще денежку выкроить... и пошло! Тут хвост урежем, там пришьем, здесь еще закрутим...

Ругаются все.

Ругаются проектировщики, которым даром не надо кроить и выкраивать, понимая, что потом или дом проседет, или трещины пойдут, или конструкции сложаются — да много чего будет! Уж про комфорт и вообще молчим.

Ругаются эксперты, находя одно нарушение за другим.

Ругаются строители — и лепят хибары из навоза и палок.

Ругаются жильцы.

А чем все это заканчивается? А тут уж как повезет... хорошо, если все живы останутся. Это к примеру. Таких коллизий не пересчитать и не перечислить, если сейчас рассказывать, плач Ярославны померкнет. Тьфу там на тот плач, в нем и одного тома нет! А тут размах будет, как у Большой Советской Энциклопедии.

Но раньше начальник был понимающий и прикрывающий. И сам с заказчиками ругался, и понимал, что нельзя из одной шкуры семь шапок выкроить, и откровенной дряни не лепил, не позволял.

А этот дефективный даже не понимает, что творит! Заказчик всегда прав, он нам деньги приносит, вот и весь разговор! Не умеете? Так я других найду, которые сделают, как я скажу, рынок труда большой, не один, так другой, а то и третий, вон, в институте полно студентов, считай, уже каждый специалист с дипломом. А что репутация дороже денег?

Что люди увольняются, и хорошие, грамотные, что сейчас таких днем с огнем не найдешь? Ему-то что? Поднабрал балбесов по объявлению, а они только что после института, ферму от бермы не отличают...*

А дальше что?

А вот то.

Хуже проектировщики — хуже проект — больше надо времени для внесения всех правок, а время тоже деньги, и покатилося по наклонной. Специалисты ушли, бестолочи пришли, клиенты их видят, крестятся и бегут, фефективный менеджер не понимает, в чем дело, где уж ему, барану! Он сам-то в проектах только буковки понимает, и то — крупные.

Понятно, денег нет, из пустоты их для себя выкроить не получается, а тут еще бухгалтер над душой стоит. И ладно бы молоденькая — сисястая — ногастая! А Марии Ивановне уж шестьдесят лет с хвостиком, она себе и пенсию заслужила, хоть завтра уходи. Просто обидно же...

Вот день и не задался.

В лифте застряла, первый автобус прямо перед ней уехал, второй грязью обрызгал, пока прилетела — вся никакая, еще и за какой-то куст по дороге цепанулась, колготки порвала, тоже обидно. А в кабинете уже этот ухмылок сидит с какой-то девицей. И выглядит дева так, словно ее силиконом во все места надули.

Так и так, здарсьте, Мария Ивановна, вот вам помощница. Не нужна она вам? А все равно будет... вы у нас дама в возрасте, вот и учите девочку специфике работы. А дальше будет видно.

И девица ухмыляется...

Мария Ивановна подумала, да и решила не терпеть. Так и так, две недели отработает, как положено, ни шагу вправо, ни прыжка влево, а потом извиняйте. До свидания, и век бы с вами не видеться.

* *Ферма* — стержневая система в строительной механике, *берма* — уступ между верхним краем канавы и нижним краем откоса выемки, если **ОЧЕНЬ** кратко. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Менеджер от возмущения чуть свой модный сотовый не раздавил. Как это так, вы что?! Вы не понимаете?

Только вот понимала Мария Ивановна все отлично. Заявление напечатала, мальчику сунула, да и дверь хлопнула. А что с ним еще делать? Любоваться, что ли? Картина Репкина «Не ждали». Тьфу, да и только.

Домой шла вся расстроенная, еще и сын позвонил.

Мария Ивановна ему пожаловалась, а тот только рад.

— Мам, да чего ты? Ну и уволили, и что? Что ты теряешь? Будешь дома сидеть, захочешь, веди кого по удаленке, или так ходи, консультируй, ты же бухгалтер классный, тебя с руками оторвут.

— Знаю...

А все равно тоскливо. И за державу обидно. Хорошая ж фирма была, и люди хорошие, а этот гад фефективный там все развалит, до чего доберется...

— Плюнь на все. Все будет хорошо. Я сейчас Альке позвоню, она за тебя тоже порадуется. Может, с внуками приедем на выходные, отвлечешься. Не расстраивайся, мам, все хорошо будет.

Мария Ивановна только вздохнула. Вот как тут объяснить, что просто день такой... жизненно неудачный?

И так она была расстроена, что машины, которая на нее надвигалась, и не заметила даже.

Вспышка.

Падение.

Темнота...

Глава 1

Больно.

Почему так больно? Такое ощущение, что голову стягивает огненный обруч. И кто-то плачет рядом, тоненько так.

— Мама, мамочка...

Мария Ивановна шла на этот голос, словно на огонек в окне. Почему-то она была уверена, что это Алька, Алевтина, ее дочь. Так она плакала, когда была совсем-совсем маленькой... и как уйти? Как ее оставить?

— Мамочка... — тоненький голосок звал, приказывал идти вперед, заставлял сопротивляться разрушению, забвению...

Мария Ивановна задохнулась, рванулась вперед — и словно из черной воды вынырнула к свету.

— Уфффффф!

И открыла глаза.

— Ой, б...

И кто бы удержался на ее месте? Память возвращалась стремительно, рывками... вот что рассчитывает увидеть человек, который явно попал под машину? Особого выбора тут и нет, пожалуй.

Вариант первый — больничную палату.

Вариант второй — небо над головой, если она на улице, или там «скорую помощь», если она уже не на улице.

Вариант третий — свой дом. Если нашлись рядом знакомые и добрые люди и притащили домой. Но уж точно не жуткую тряпку, которая висит неясно на чем... а, нет, уже ясно.

Тряпка висит на четырех витых столбах, таких толстенных, здоровущих, из позолоченного дерева. А столбы покоятся непонятно на чем. Кажется, они к кровати приколочены... и тряпка эта называется балдахин! Точно!

Такие-то познания в истории у каждого есть, кто фильмы смотрел. Мария Ивановна ими тоже не пренебрегала, для расслабления. А что?

Сын и дочь взрослые, в Москву уехали, а мать в провинции, одна, внуков ей только на лето привозят. Чем вечерами заняться?

Мария Ивановна и пристрастилась. Ходила, рукоделием занималась, от нечего делать, ну и сериалы смотрела. Только исторические и детективные, другие неинтересно было, слишком уж они предсказуемы. Чего их смотреть, если с третьей серии знаешь, кто, кого и для чего? С детективами тоже не всегда получится, Мария Ивановна часто угадывала, кто убийца. А вот с историческими сериалами интересно.

Посмотришь кино, потом книгу считаешь, а то и не одну, свое мнение составишь... ох и гады ж в нашей исто-

рии попадают! Отборные! Но про других сериалы снимать и неинтересно...

— Мамочка?

Детский голосок раздался совсем рядом. Мария Ивановна повернула голову — и глаза ее встретились с глазами ребенка.

Девочка, может, лет десяти, не больше, худенькая, темноглазая, симпатичная... только кто же ее так разодел? Детям надо в чем-то удобном и свободном бегать, а на ней... ой, мама!

Это что — ПЛАТЬЕ?!

Ужас обрушился на Марию Ивановну бетонной плитой.

Девочка была одета во что-то невообразимое. Алый бархат, золотое шитье, несколько цепей на тонкой шейке, и явно не бутафорских, светлые волосы затянуты в прическу и спрятаны под странный головной убор, что-то вроде кокошника, только с пришитым к нему мешком, в который и прячутся волосы. И все это тоже расшито золотом и жемчугом...

Но девочка смотрела с такой надеждой, что Мария Ивановна не смогла ее разочаровать.

— Доч... ка?!

Малышка захлопала носом — и уткнулась в ее руку.

— Мама, мамочка, живая...

И слезы потоком хлынули.

Мария Ивановна тем временем стремительно приходила в себя.

Ладно-ладно, фантастику она не любила и не читала, но о таких ситуациях знала. Вон, из каждого утюга что-то такое. И эти... аниме, манги, у нее внуки от них фанатеют, ну и бабушке подсовывали на почитать, а Мария Ивановна проглядывала. Не обижать же малышню? Они ей самое важное показывают! И обсуждают потом на полном серьезе и заклинания, и круги, и школы колдовства, и другие миры, и как бы они поступили.

Неужели ей сложно почитать?

Да ни капельки, у хорошего бухгалтера мозг, как компьютер, иначе она с работой не справится. Кто не верит — сведите баланс. Можно просто карандашиком

и на бумажке попробовать, взвыть от ужаса и бросить тяжелое дело, а она все это и в программах обсчитывает, и сколько их новых появляется, и постоянно следить за обновлениями надо...

Для бухгалтера поговорка «век живи — век учись» — это норма жизни, так-то.

Но не про 1С сейчас речь.

Если она себя осознает Марией Ивановной, а место ей незнакомо? И ребенок называет ее мамой, и тело... Мария Ивановна скосила глаза на свою руку.

Точно, рука — не ее.

Мария Ивановна всегда была блондинкой, такого булочно-уютного типа, под пенсию она и вообще двадцать килограммов прибавила, и ничуть не расстраивалась. И ручки у нее были самые обычные, рабоче-крестьянские, с коротко остриженными ногтями, пухленькие, и шрам на тыльной стороне кисти...

А тут перед ней кисть руки, больше всего похожая на птичью лапку. Тонкая, изящная, с длинными пальцами, ногти овальные и чем-то покрашены... да Мария Ивановна отродясь таких не носила! Не с ее лапкой!

Не ее это рука.

И место странное. И ребенок.

Или она рехнулась и бредит, что вполне возможно. Или — она попаданка.

Только вот проверить это можно было лишь одним способом. Встать и начать разбираться, а Мария Ивановна совершенно этого делать не хотела. Пока она лежит, с нее спрос меньше.

Кто бы там ни была предыдущая хозяйка тела, ценной информацией она с Машей не поделилась, а как выживать прикажете? Заявить, что у нее амнезия?

А если ее тут электрическим током лечат? Или иглами под ногти?

Еще чего придумать? Ой нет, лучше пока полежать и помолчать, этим Мария и занялась. Ну, и девочку по голове погладила. Переживает ведь ребенок, слезами уливается...

А на балдахине пыль во-от такими ошметьями! Убиться веником об стену.

И перина под ней, кажись, пуховая. И... ее что, блоха цапнула?

Да чтоб тебя налоговой прибило! А вшей у нее нет? А?

Только вот поразмышлять на интересную тему Марии Ивановне не дали. Дверь грохнула об стену, и в дверном проеме воздвигся мужик. Здоровущий такой!

Или это так показалось из-за его одежды? Или просто он против света стоял?

Нет, все правильно, не показалось. Здоровущая туша! Метра под два ростом и в три обхвата.

— Анна, твоя мать умерла?!

Девочка аж подскочила. Мария попробовала ее имя на вкус. Анна, Аннушка, Анечка. Сойдет, и девочке подходит.

— Пап... отец...

Голос у ребенка сорвался. Мужчина сделал шаг вперед, и Мария Ивановна поняла, что надо отвечать. Ну хоть как-то.

— Кхе... гха... эмммм...

Мужик приблизился еще на три шага. Мария Ивановна внимательно разглядывала его.

Что ж, лет двадцать — тридцать — сорок назад сей кадр был вполне-вполне хорош и очарователен. Ее реципиентку можно понять, даже сейчас эта туша сохраняет следы бывшего очарования. Но именно что следы.

Рост под два метра, все верно она оценила, по весу мужчина, наверное, к ста пятидесяти килограммам приближается, талию тут можно не искать, а произвольно выбирать место на бочонке от шеи до ног. Дальше снизу вверх.

Ноги — достаточно стройные даже сейчас, но все же начинающие заплывать жиром, обутые в мягкие туфли типа бархатных бот «прощай, молодость» и затянутые в нечто вроде тонких шелковых трико. На самом ценном месте этого трико нашито что-то вроде здоровущего кармана. Хватило бы и коню полководца Буденного все самое ценное спрятать, не то что человеку. И все это топорщится так, что аж страшно становится. Может, он туда огурец засунул для объема?

Дальше — собственно бочонок. На бочонке надето что-то вроде кафтана до середины бедра, только он весь в разрезах, и из них торчат кружева нижней рубахи. Там, где не торчат кружева, или золотом вышито, или камни какие нашиты. Пуговицы вообще размером с конский каштан, и кажется, сделаны из драгоценных камней. Приличных таких, с ноготь большого пальца. Если не стекло — бешеные деньги человек на себе носит. Не боится, что с него костюм с головой снимут? Или пуговицы с мясом вырвут из пуза?

Дальше — жабо жутких размеров. Вампиры — плачьте, вы помрете с голоду раньше, чем раскопаете в нем человеческую шею. На этом жабо лежит голова с роскошной бородой. Пухлые щеки, короткий нос, широкий, словно бы жабий, рот, маленькие злые глаза непонятного цвета, кажется, серого. Голова увенчана прической.

Ну хоть париков тут нет, и волосы не пудрят, волосы у мужчины его натурального соломенного цвета. Точь-в-точь как у его дочери. И сверху на всем этом сидит... корона?

Диадема — точно.

Машка, ты попала. Вот это украшение на себя просто так не цепляли. Ох, твою бухгалтерию!

— Вы живы, Мария?

И голос такой недовольный, словно он уже место на Красной площади заказал. Крутись, как хочешь, но что-бы завтра в двенадцать была готова!*

— К-кажется, д-да...

— Что ж. На все воля Божия. Я пришлю к вам своего лекаря.

Развернулся и вышел.

Ни тебе здарсьте, ни мне спасибо, ни нам до свидания...**

Дверь хлопнула, как пушка над Петроградом. Анна дернулась и повернулась к Марии. А глаза у ребенка красные, больные, отчаянные, совсем как у маленькой Альки, когда та прибегала к маме с очередной страшной трагедией. И что оставалось делать женщине?

* Старый анекдот, как зять тещу хоронил.

** И снова анекдот.